

Научная статья
УДК 34.03
DOI: 10.47475/2311-696X-2024-41-2-164-169

С. 164–169

ЦИФРОВИЗАЦИЯ КАК ОСНОВНОЙ АТТРАКТОР ЭСКАЛАЦИИ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ

Алексей Андреевич Жучаев

Международный инновационный университет, Сочи, Россия
PO21kk@bk.ru

Аннотация. Статья посвящена развитию цифровизации, способствующей усилению публичной власти за счет достижения прозрачности властных решений, законодательных процессов, персоналий, участвующих в данных процессах. Развитие цифровых технологий открывает доступ ко многим процессам, ранее не доступным для общества. Сегодня фактически каждый житель страны может получить исчерпывающую информацию по любому интересующему его вопросу. В этих условиях публичная власть становится наиболее актуальной формой власти.

Цель исследования — эксплицировать процессы цифровизации социума как наиболее перспективные в отношении развития и укрепления публичной власти.

Методология. В процессе исследования получены результаты, основанные на анализе новых цифровых технологий, цифровизации всех сфер социальной практики.

Результаты. Исследование показывает расширение публичной власти и ее закрепление за счет использования новейших цифровых технологий.

Заключение. Подводит итоги исследования в дискуссии отечественных ученых.

Ключевые слова: цифровизация, власть, публичная власть, государство, виртуальная коммуникация, политический процесс, политическая система, электронное правительство, цифровое правительство, цифровая платформа

Для цитирования: Жучаев А. А. Цифровизация как основной аттрактор эскалации публичной власти // Правопорядок: история, теория, практика. 2024. № 2 (41). С. 164–169. DOI: 10.47475/2311-696X-2024-41-2-164-169

Research article

DIGITALIZATION AS THE MAIN ATTRACTOR OF THE ESCALATION OF PUBLIC POWER

Aleksey A. Zuchaev

International Innovation University, Sochi, Russia
PO21kk@bk.ru

Abstract. The article is devoted to the development of digitalization, which contributes to the strengthening of public power by achieving transparency of government decisions, legislative processes, and personalities involved in these processes. The development of digital technologies opens up access to many processes. Previously hidden from the public. Today, virtually every resident of the country can get comprehensive information on any issue of interest to him. In these conditions, public power becomes the most relevant form of government.

The purpose of the study is to explicate the processes of digitalization of society as the most promising in terms of the development and strengthening of public power.

Methodology. In the course of the research, the results were obtained based on the analysis of new digital technologies, digitalization of all spheres of social practice.

Results. The study shows the expansion of public power and its consolidation through the use of the latest digital technologies.

Conclusion. Summarizes the results of the research in the discussion of domestic scientists.

Keywords: digitalization, power, public authority, state, virtual communication, political process, political system, e-government, digital government, digital platform

For citation: Zuchaev AA. Digitalization as the main attractor of the escalation of public power. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal and Order: History, Theory, Practice]. 2024;(2):164-169. DOI: 10.47475/2311-696X-2024-41-2-164-169 (In Russ.)

Введение

Глобализация современного мирового пространства, сопровождающаяся социально-экономической турбулентностью, способствовала возникновению такого когнитивного аттрактора как цифровизация. Цифра стала символом современного мира, выступая, с одной стороны, как провокатор современных глобальных процессов, но с другой — как некий защитный анти-турбулентный механизм. С цифрой сегодня связаны, пожалуй, все составляющие социальной практики — цифровизация, цифровая трансформация, цифровая экономика, цифровое общество. Подтверждением сего служат мнения многих зарубежных и отечественных деятелей науки разных отраслей, поскольку, как мы указывали выше, цифра присутствует везде. И хотя, по мнению М. М. Прохорова, «мы все еще находимся в условиях разрастания экономической и технологической детерминации в человеческой истории» [12, с. 187], средой нашего обитания уже стала техногенная цивилизация, совершенствующаяся с каждым днем. Одновременно возникают все новые научные концепции, пытающиеся объяснить происходящее. Они возникают и тут же устаревают. Тем не менее в качестве дискурсивных можно эксплицировать наиболее влиятельные, оправданные и достоверные, представленные такими учеными, как Р. Айрис, У. Бек, Д. Белл, Г. Бехманн и др.

Необходимость проведения исследования

Конечно, мы не станем в одной статье анализировать весь этот колоссальный совместный опыт, нас интересует лишь правовое измерение проблемы. Поэтому выделим основную тенденцию предшествующего опыта как зарубежных, так и отечественных исследователей. И эта тенденция заключается в том, что все жители планеты имеют право на доступ к информации. Такое право существует априори, независимо от того, обеспечен ли доступ к этой информации. Соответственно, такие права должны быть гарантированы и расширяться по мере развития новых технологий. В этой связи свобода в информационной сфере становится неизбежной. Такая свобода фундируется двумя постулатами, правом на доступ к информации и правом на ее распределение. Конкретизация данных постулатов имеет рефлексию в производстве, получении, обработке, сохранении, передаче и распространении информации, которая обязана обладать тремя основными качествами: достоверность, доступность, легитимность.

Эффективная система гарантий, необходимых при осуществлении прав доступа к информации, обеспечение ее свободного распространения должны быть законодательно регламентированы, а субъекты, скажем так, цифровых прав, должны быть законодательно

защищены при использовании информации. Таким образом, возрастает актуальность доктрины информационной безопасности и равенства прав. В этой связи напрашивается вывод о том, что информационное общество должно быть гражданским, то есть, представлять собой правовое государство. Этот последний вывод на сегодняшний день остается дискуссионным.

Материалы и методы исследования

Цифровое общество в цифровом государстве должно представлять собой определенную форму социального порядка, фундированного цифровыми сервисами и интернет-коммуникациями. В то же время это не только прозрачные социальные связи в соответствующих сетях, но и общество, объективное в медиасфере, где социальность продуцируется на основе повседневного знания, распределенного в социальных сетях [15, с. 287]. Мы можем констатировать возникновение определенного цифрового поля, обеспечивающего активизацию игроков на самых различных уровнях, которые постепенно выравниваются за счет технологической идентификации, индивидуализации производства и потребления, возникновения новых экосистем и иммерсивных рабочих пространств. [14, с. 288]. Таким образом конституируется цифровая повседневность, включающая в себя самые различные социальные страты, между которыми также сокращается социальное пространство. Постепенно возникает цифровая демократия, фундированная трансформацией социально-политической активности в онлайн-сферу. В свою очередь, цифровая демократия подразумевает цифровую гражданственность, под которой следует подразумевать «часть политической субкультуры, целенаправленно формируемой в цифровой среде политическими акторами, осуществляющими продвижение партийных брендов и имиджей политических лидеров, преимущественно онлайн» [3, с. 67]. В этой связи мы можем рассматривать «цифровые права» граждан в следующей дихотомии: возникновение новых цифровых прав, опровержение старых, традиционных, прав. Но подобная дихотомия ни в коем случае не должна опровергать «цифровой суверенитет» личности и приравнивать последнюю к «цифровому аттрактору» или «цифровому коэффициенту» [3, с. 68]. Существующая дихотомия выступает необходимым условием конструирования новой государственной архитектуры, ключевым параметром которой, даже своеобразным каркасом, выступают информационно-коммуникативные технологии, обеспечивающие возможность возникновения так называемого «электронного правительства», которое, по мнению А. М. Тарасова, представляет собой «целенаправленное соучастие и воздействие субъектов всех ветвей и органов государственной власти на различные сферы общественной

жизни с использованием информационно-коммуникационных технологий [14, с. 205].

Результаты исследования и дискуссия

Электронное правительство в прямом значении данного термина — это совокупность органов исполнительной власти федерального и регионального уровней, осуществляющих на основе информационно-коммуникационных технологий реализацию своих полномочий, в том числе во взаимоотношениях с другими государственными и негосударственными органами власти, а также с неправительственными организациями, бизнес-структурами, гражданами» [14, с. 22]. Интровертно «электронное правительство» можно трактовать как использование информационно-коммуникативных технологий во внутренней деятельности государственного аппарата, а также с основными субъектами социальной практики. Экстравертно «электронное правительство» воспринимается как более высокая ступень в деятельности органов государственной власти, информационно-коммуницированная и модернизированная. Экстравертная трактовка «электронного правительства» увеличивает публичную власть, приближая соответствующие государственные и муниципальные органы к населению путем: прозрачности деятельности всех органов власти, внедрения «электронных приемных», прямое и быстрое получение государственных услуг, «электронное голосование» на выборах, сокращение транзакций между государством и населением и многое другое.

Основное преимущество экстравертной составляющей «электронного правительства» — полная прозрачность, возможность открыто излагать свое субъективное мнение по тому или иному вопросу, мобильность в принятии решений. Обеспечить экстравертную составляющую «электронного правительства» может соответствующая платформа [12, с. 87–103]. Такая платформа призвана обеспечить прямые и обратные связи между органами государственной власти и стейкхолдерами в следующих форматах: *government to government* (G2G) — правительство правительству; *government to business* (G2B) — правительство бизнесу; *government to citizens* (G2C) — правительство гражданам. Таким образом, говоря простыми словами, основными составляющими электронного управления выступают: внутрисистемное, внутриведомственное, межведомственное с одной стороны, а с другой — внешнее, вневедомственное. Таким образом, возникает единая информационная система, инкорпорирующая как общедоступный информативный ресурс на внешнем уровне, так и ограниченный информативный ресурс — на внутреннем. На внешнем уровне достигается синергетический управленческий эффект за счет объединенного потенциала органов, входящих в различные ветви власти. Именно это и обеспечивает расширение публичной власти, реализуемое по трем основным аттракторам: 1) *e-democracy and participation* — электронная демократия и участие граждан в принятии управленческих

решений, формирующие общественное мнение посредством электронного участия и электронного голосования; 2) *electronic production network* — электронные производственные сети, обеспечивающие прямое сотрудничество между публичными, а также публичными и частными институтами (*публичные — публичные; публичные — частные*); 3) *electronic public services* — электронные общественные услуги, осуществляемые через порталы различного уровня, в том числе региональные и муниципальные. Третий аттрактор направлен на непосредственное участие в электронном управлении местных органов власти, региональных и муниципальных. Все три аттрактора обеспечивают прочную вертикаль власти, так как формируют мощную электронную администрацию. Успешное функционирование перечисленных аттракторов может быть достигнуто за счет следующих форматов: правового, организационного, технического, кадрового, финансового, информационного, телекоммуникационного и «цифрового государства» [7, с. 312]. Последнее подразумевает политико-правовое взаимодействие населения с органами публичной власти. Как справедливо считает Э. А. Золаев, «целью такого взаимодействия является обеспечение наиболее полных возможностей участия граждан в осуществлении власти и предоставления им услуг государства, реализуемых с использованием цифровых технологий» [6, с. 1583]. В качестве цели такого государства автор видит «повышение эффективности работы управленческого аппарата; экономическое развитие, повышение конкурентоспособности отечественных производителей на международном рынке; повышение качества жизни граждан (система социальных услуг, система здравоохранения обеспечение безопасности, образование, защита окружающей среды), что соответствует общим тенденциям развития социальной системы. В фокусе развертывания нового типа государства находится гражданин в условиях новой цифровой реальности. Государство должно создать условия, которые помогут человеку раскрыть свои способности, и сформировать комфортную и безопасную среду для его жизни и реализации потенциала, а также для создания и внедрения инновационных технологий» [6, с. 1594].

Сегодня в Российской Федерации происходит активное строительство цифрового государства. Доказательством этого факта является программный документ «Государство как платформа» [4, с. 36]. Авторы проекта считают, что «платформа поможет исполнять большинство функций управления не при помощи органов власти, а на основе платформенных решений» [4, с. 37]. Также они твердо убеждены в том, что «система государственного управления должна будет действовать как передовая IT-корпорация» [4, с. 39]. В связи с этим документом мы вправе говорить о создании новой модели публичной власти, включающей в себя сервисное государство, проактивное государство, мобильное государство. Во всех случаях такое государство обладает сильной публичной властью.

Государство, бизнес и граждане должны взаимодействовать в единой цифровой среде. По мнению Л. А. Морозовой, «государственный суверенитет — не архаизм прошлых эпох, а актуальная юридическая и политическая категория нынешнего времени. Нельзя не считаться с желанием народов жить по своим обычаям, законам, религиозным и иным нормам, выбирать близкое по духу государственное устройство, устанавливать соответствующий политический режим. В противном случае неизбежно навязывание другим народам своего образа жизни, своих ценностей и восприятия мира» [11, с. 103]. В данной парадигме взаимодействие государственного и муниципального управления рассматривается в техногенном формате нового социума, подразумевающего прозрачность всех процессов, их цифровизацию и последующее ускорение. Это так называемый технический аспект отношений власть-население, который полностью обнажает их, делая абсолютно доступными для всех. Такой формат чрезвычайно важен для укрепления публичной власти, даже если он не затрагивает непосредственно социально-политической и законодательной ее составляющих. Прозрачность взаимоотношений государственных и муниципальных органов власти в настоящее время является основным трендом развития федерализма и его, скажем так инновационно-технического обновления. Цифровизация, обеспечивающая такую прозрачность, является модным и популярным нарративом массового социально-политического сознания. По мнению немецкого экономиста, главного идеолога цифровой трансформации, основателя и бессменного президента Всемирного экономического форума в Давосе Клауса Шваба, «мы вошли безвозвратно в принципиально новую эпоху общественно-политического и социально-экономического развития, которая радикально изменит всё» [20, с. 3]. А весьма популярный американский социолог Джон Урри убеждает нас в том, что сегодня «меняются как форма организации и модели взаимодействия, так и сам человек, или более корректно — трансформируется классический человеческий стандарт узнаваемости» [17, с. 5]. Цифровизация, или, как считают А. П. Кочетков, А. Ю. Мамычев и А. Ю. Мордовцев, «цифровой транзит» [9, с. 109], провоцирует институциональный эффект «параллельного действия» [9, с. 134], когда новые условия, позиционируемые техногенной цивилизацией, нарушают адекватность традиционных институтов, искажают результаты их действия, трансформируют их структурно-функциональные дефиниции.

В когнитивном пространстве новой теории транзитивности появляется соответствующий теоретико-аналитический инструментарий, описывающий переходный характер современного федерализма, временность и специфичность данного процесса, качественно новый совокупный социокультурный, экономический и политико-правовой аттрактор.

Таким образом, инновационные процессы виртуальной публично-властной коммуникации не только

значительно увеличивают и дополняют социально-политическое пространство, но и делают его более комплементарным за счет следующих аспектов: продуцирования инновационных моделей властного взаимодействия в системе личность — общество — государство: цифровое правительство, виртуальные чиновники, государственные сервисные платформы и т. д. [16, с. 200]; появления принципиально новых акторов — онлайн сообществ, гибридных политических субъективностей — виртуальных аватаров, цифровых копий, виртуальных агентов и т. п. [13, с. 12]; возникновения актантов — автоматизированных цифровых алгоритмов, систем искусственного интеллекта, самообучающихся нейронных сетей, алгоритмических экспертных системы и т. п. [19]; кардинальной трансформации структуры самого политического процесса [19, с. 13]; изменения социально-политической мобилизации и идентификации [1, с. 118]; актуализации новых форм политического управления — техники «мягкого» цифрового давления и таргетированного манипулирования [2]; трансформации ценностно-нормативной иерархии социума, нуждающегося в цифровых системах и требующего их развития [5, с. 116].

Заключение

Публичная власть выходит на новый уровень и, возможно, будет осуществляться в цифровых режимах, среди которых мы эксплицировали следующие: «проекционный режим», распространяющий господство власти, выраженное в принуждении, на расстояние, значительно превышающее суверенную юрисдикцию государства [20]; режим «политической виртуализации», «аватаризации», «гибридизации», «интерфейсизации» как социально-технологических ресурсов современной власти [18, с. 180].

Конечно же, изменится и публичный дискурс. Властные решения будут легитимированы в новых лингвистических и смысловых формах. Особенно это коснется избирательных технологий, где легитимация будет осуществляться уже не через апелляцию к идейно-концептуальной парадигме демократии в ее адекватно-институциональном воплощении, а через интерактивность пользователей и социально-техническую риторику [18, с. 182]. Электронное голосование приобретает формат либо «удобного и адекватного времени цифрового сервиса», либо «удобной модели коммуникации современного человека, как и использование других дистанционных услуг и сервисов» [18, с. 183].

Цифровизация властных отношений провоцирует трансформацию политических доктрин, выраженную в четырех основных форматах.

Первый — сервисная парадигма, интенсивно развивающаяся сервисную модель, в рамках которой осуществляется горизонтальная мобильность частных и публичных интеракций, происходящих в параметрах аутсорсинга.

Второй формат — цифровая государственно-правовая структура, фундированная эффективными

платформенными решениями, которые, в свою очередь, обеспечены интерактивными системами и виртуальными технологиями типа e-democracy, e-government, e-public services и т. п. [10, с. 117].

Третий формат — индивидуальные цифровые сервисы, позволяющие формировать соответствующие цифровые профили, а также субъективно ориентированные электронные услуги и онлайн консультирование. Это позволяет интерактивно и транспарентно реализовывать публично-властные институции типа e-public network, e-public administration и т. п. [10, с. 118].

Четвертый формат — цифровой этатизм, предполагающий развитие цифровых процессов в определенном национально-культурном пространстве, которому служат проектируемые в данном социуме алгоритмические системы, призванные обеспечивать его целостность и безопасность. Таким образом, развиваются национальные цифровые платформы, контролируемые и регулируемые юрисдикцией конкретного государства. В этой связи цифровой этатизм, с одной стороны, призван защищать граждан определенного суверенного государства, а с другой — обеспечивать адекватное

«развитие сквозных цифровых технологий уникальным траекториям развития тех или иных цивилизационных систем» [8, с. 319].

Взаимоотношения государственных и муниципальных органов должны будут строиться в рамках четырех вышеперечисленных форматов, обеспечивая: целостность и устойчивость социальной системы в новых условиях цифровой трансформации общественных систем [2]; адаптацию процессов интенсивного развития сквозных цифровых технологий к традиционным социально-культурным процессам [8]; гармонизацию социокультурных и технологических оснований общественной системы, а также обеспечения их безопасности [8, с. 332].

Угрозой такому взаимодействию может стать лишь цифровая элита как «социальная страта, занимающая ключевое положение в сетевом сообществе, обладающая креативными способностями, контролирующая информационные потоки и банки данных, которая может использовать достижения современных информационных технологий для управления экономикой и обществом в своих целях» [19, с. 53].

Список источников

1. Ахмедов Р. М. Digital religion и традиционные религиозные ценности. Особенности соотношения (по материалам электронных ресурсов) : монография. Москва : ЮНИТИ-ДАНА, 2021. 167 с.
2. Баранов П. П., Мамычев А. Ю. Цифровая трансформация права и политических отношений: основные тренды и ориентиры // Балтийский гуманитарный журнал. 2020. Т. 9, № 1. С. 357–361. DOI: 10.26140/bgз3-2020-0901-0088 EDN: EZZYAP.
3. Бродовская Е. В. Цифровые граждане, цифровое гражданство и цифровая гражданственность // Власть. 2019. № 4. С. 65–69.
4. Буров В. В., Петров М. В., Шклярчук М. С., Шаров А. В. «Государство-как-платформа»: эффекты реализации и управление разворачиванием // Государственная служба. 2018. Т. 20, № 4. С. 17–26. DOI: 10.22394/2070-8378-2018-20-4-17-26 EDN: YQVFBZ.
5. Володенков С. В. Интернет-коммуникации в глобальном пространстве современного политического управления : монография. Москва : Изд-во Московского ун-та, 2015. 272 с.
6. Золаев Э. А. Цифровое государство как новый этап развития общества // Креативная экономика. 2021. Т. 15, № 5. С. 1583–1594. DOI: 10.18334/ce.15.5.112164 EDN: AVKZLN.
7. Информационные ресурсы развития Российской Федерации : Правовые проблемы / А. А. Антопольский, И. Л. Бачило, Г. В. Белов [и др.]. Москва : Наука, 2003. 402 с.
8. Концепция цифрового правительства как политический проект для России: перспективы реализации в условиях вызовов и рисков цифровизации общества / А. П. Кочетков, И. А. Василенко, С. В. Володенков [и др.]. // Власть. 2018. № 1. С. 317–331.
9. Кочетков А. П., Мамычев А. Ю., Мордовцев А. Ю. «Цифровой транзит» публично-властных отношений: общие и элитарные характеристики // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2022. Т. 24, № 1. С. 109–134.
10. Кочетков А. П., Мамычев А. Ю., Мордовцев А. Ю. «Цифровой транзит» публично-властных отношений: общие и элитарные характеристики // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2022. Т. 24, № 1. С. 109–134.
11. Морозова Л. А. Влияние глобализации на функции государства // Государство и право. 2006. № 6. С. 101–107. EDN: НТРНАУ.
12. Прохоров М. М. Современная эпоха и концепция информационного общества : монография. Нижний Новгород : ННГАСУ, 2021. 416 с.
13. Стивенс-Давидовиц С. Все лгут. Поисквики, Big Data и Интернет знают о вас все. Москва : ЭКСМО, 2020. 480 с.
14. Тарасов А. М. Электронное правительство: понятие и система. Санкт-Петербург : Галарт, 2011. 646 с.
15. Тихонова С. В., Фролова С. М. Цифровое общество и цифровая антропология: трансдисциплинарные основания социально-эпистемологических исследований // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2019. Т. 19, № 3. С. 287–290. DOI: 10.18500/1819-7671-2019-19-3-287-290 EDN: ЕНУУЕН.

16. Трансгуманизм: цифровой левиафан и голем-цивилизация / В. В. Аверьянов, И. А. Шнуренко, М. Г. Делягин [и др.]. Москва : Книжный мир, 2021. 320 с.
17. Урри Дж. Как выглядит будущее. Москва : Издательский дом Дело, 2018. 320 с.
18. Федоров В. И. Электронное голосование: российский и зарубежный опыт. Москва : НИЦ ИНФРА-М, 2024, 237 с.
19. Федорченко С. Н. Феномен искусственного интеллекта: гражданин между цифровым аватаром и политическим интерфейсом // Журнал политических исследований. 2020. Т. 4, № 2. С. 34–57. DOI: 10.12737/2587-6295-2020-34-57 EDN: EBNGSH.
20. Шваб К. Четвертая промышленная революция. Москва : ЭКСМО, 2016. 288 с.

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ

Конфликт интересов отсутствует.

CONFLICT OF INTEREST

There is no conflict of interest.

Дата поступления статьи / Received: 13.02.2024.

Дата рецензирования статьи / Revised: 18.02.2024.

Дата принятия статьи к публикации / Accepted: 15.05.2024.
